

ВАСИЛЬ ТКАЧЕВ

Два рассказа

Дрова

Осторожно ступая по свежему снежку, который наконец порадовал сельчан своей чистотой и белизною, Игнатовна миновала огород, притворила за собой калитку и только тогда, прежде чем выбраться на заметенный асфальт, вспомнила, что забыла дома письмо, которое сочиняла вчера весь вечер. Как же без него, без этого письма, идти? Стоит ли? Она бы тогда и по телефону могла поговорить с председателем сельсовета — одна польза. Или на улице, встретив его. Только слово, считала, к делу не пришьешь. А бумажка — другое дело: ее должны зарегистрировать, это Игнатовна знала, и обязательно в месячный срок дать ответ. В этом письме на имя председателя сельсовета она жаловалась на отсутствие дров. Зима уже установилась прочно, и тут эта проблема. Раньше учителей, в том числе и учителей-пенсионеров, топливом на зиму обеспечивал сельсовет, а районный отдел образования аккуратно перечислял на это деньги, сегодня же — думай сама, как быть. Твои, одним словом, проблемы. Она и думала. И, видать, слишком долго — не уследила зиму, а она тут как тут. Почему-то надеялась, что в сараюшке запас дров на первое время имеется с прошлого года, а когда поинтересовалась, сколько их там, настроение испортилось: дров под разным хламом было совсем мало.

Вот и села Игнатовна вчера за стол, достав из шкафа ручку и тетрадь, и написала письмо-просьбу на имя председателя сельсовета Миронова: помощи, уважаемый. Нет, жаловаться на Миронова не было особой причины — к ней, Игнатовне, он относился с пониманием и сочувствием, а когда несколько дней назад уже зашел разговор про топливо, то председатель широким жестом указал на школу: завтра-послезавтра, Игнатовна, начнем бурить ее, дров будет — хоть на три зимы вперед. А вот бригаду молодцев, которые бы и занялись дровами, комплектуй сама. Ты же бывшая учительница, вон сколько твоих учеников живет сегодня в деревне!

Не сразу, надо признаться, дошли его слова. Сперва Игнатовна кивнула головой, мол, пусть будет и так, спасибо на добром слове, но позже, завтракая, представила, как будет сидеть перед печкой и бросать в ее чрево чурки из школьных бревен, то вздрогнула: ужас какой! Нет, нет, такого не может быть — чтобы она, учительница, сжигала свою школу в печи. Разве же так можно, люди? Представьте себе: учительница более чем с сорокалетним стажем сидит на табурете и подбрасывает в печку дрова из тех бревен, которые слышали не только ее голос, но и голоса сотен мальчишек и девчонок, голоса учителей, многих из которых сегодня нет уже на этом свете. Игнатовна еще долго неподвижно сидела за завтраком и вспоминала их. Почти каждого учи-

теля вспомнила. И учеников, которыми гордилась школа. Были среди них хорошие колхозники, офицеры, педагоги, даже один писатель. Да-да, и писатель. Им особенно гордилась Игнатовна, ведь это ж она преподавала язык и литературу! А куда же теперь девать его книги с автографами, театральные афишки и программки, фотокарточки? Стеллажи с экспонатами писателя-земляка занимали почти всю стену в классе. Что, забрать их домой? Или сообщить в район? Видимо, так и надо сделать: не пропадать же такому богатству, да и перед писателем-земляком неудобно, ведь именно она обращалась к нему с просьбой помочь создать в классе литературный уголок, посвященный его творчеству. Он всегда, надо отдать должное человеку, откликнулся, часто приезжал, выступал перед учителями и ребятами, дарил свои книги с теплыми пожеланиями.

Игнатовне же было пока не до экспонатов — на первом плане стояли дрова, они целиком занимали ее. И, конечно же, школа.

Школа строилась сразу после войны, место выбрали на окраине деревни, и так получилось, что она очутилась как бы в центре: до нее было почти одинаковое расстояние от всех близлежащих селений. Пока возили лес из Засожья на лошадях, а это почти сорок километров в одну сторону — свой сосняк посадили уже после войны, пока звенели топоры местных плотников, ребята учились по домам. Игнатовна преподавала белорусский язык и литературу; как и большинство учителей, была она не местная, а попала в Дубровку после педагогического института. Начала учиться еще до войны, а уже, когда она закончилась, получила диплом. И сразу же за работу. Приехала, а школы нет. Тогда местные жители за мизерную плату пускали в свои дома целые классы, и ничего удивительного в том никто не видел, что в обычных крестьянских комнатах стояли громоздкие парты из толстых досок, покрашенные в черный цвет, из-за которых хозяевам было другой раз не то что тесно, но просто неудобно: ребята гудят на уроках, как пчелы, не отдохнешь, да еще и не возьмешь что-нибудь необходимое тебе в сундуке или в шкафчике. Жди, пока звонок на перерыв. Да и дверями хлопают и хлопают школяры — в момент выстудят дом, да и снег липнет к их обуви. Хорошо еще, если не грязь во дворе. Зато б видели, как блестят иногда глаза у тех хозяев, в домах которых проходили уроки. Доверие стоило дорого, его не всем оказывали.

Игнатовна хорошо помнит, как строилась школа, как радовались все — и учителя, и ребята, — когда первый раз переступили они ее порог. Классы тогда были переполнены, по тридцать и более человек, однако о тесноте никто и не думал. Не хватало, напротив, учителей. Почти всех мужчин покосила война, смену им за один день не подготовишь. Как-то выкручивались. Преподавали и не профильные предметы, например, немецкий язык и геометрию временно довелось вести Игнатовне. Потом все стало на свое место, сформировался хороший коллектив, создавались учительские семьи, рождались дети. А как дружно и весело отмечали они праздники! Сколько было веселья, радости! А потом как-то незаметно учителя, сами того не замечая, состарились, а учеников в школе становилось все меньше и меньше. Куда все подевалось? Разве ж думалось тогда, что в классе может быть всего два ученика? Игнатовна частенько рассуждала об этом и лишь вздыхала: «Если бы кто сказал раньше, что такое случится, никогда бы не поверила». Жаль было и школы, и пристройки к ней, где руками учителя истории Николая Кирилловича был создан музей истории деревни и колхоза. Школу закрыли, а тех нескольких учеников, что остались, стали возить к соседям — там хорошее кирпичное двухэтажное здание. Кирпич не горит.

Пристроили кое-как там и более молодых учителей. Вопрос, одним словом, был решен.

Только вот как быть с дровами? Игнатовна твердо решила: замерзнет в своем доме, а школу в печке сжигать не станет. Разве же простил бы ей такое муж-покойник, учитель младших классов? Как ты, Игнатовна, сказал бы, до такого додумалась? Это же школа, это святое!.. А если бывшие ученики захотят прийти в тот класс, где когда-то учились? Куда они придут? Ответь мне! Ты же лишила их такой счастливой возможности, милая моя. Не надо! И будто сама себе Игнатовна отвечала: «Что я, Иван? От меня тут ничего не зависит. Моей вины нет. Время такое наступило, когда школа никому не нужна... Наши внуки тоже в городе живут...»

Игнатовна вернулась, чтобы взять письмо-заявление. В доме было хоть и холодно, но теплее, чем на улице. Как раз в это время подрулил — она увидела через окно — трактор, из кабины выпорхнул легкий и щуплый Костик Староселец, постучал в дверь.

— Открыто, открыто, — заспешила Игнатовна.

Костик и не дождавшись разрешения зашел бы, не привыкать: он уже стоял на пороге и удивленно хлопал глазами:

— Так, а люди где?

— Какие?

— Как это — какие? Ну, дрова возить.

— Не знаю, — пожалала плечами Игнатовна.

— Мне наряд выписан вам дров прицеп привезти, — более спокойно пояснил Костик. — Сам председатель сельсовета откомандировал. Школу бурят!

Игнатовна все поняла: Миронов опередил ее, решил сделать для пенсионерки и своей бывшей учительницы хорошее дело.

Письмо опоздало...

Тишину в комнате нарушил Костик:

— Так что делать будем, Игнатовна?

Игнатовна отрицательно покачала головой:

— Нет, нет, Костик. Спасибо тебе. Если из лесу мне привезете дров — я заплачу, я куплю. У меня пенсия хорошая. Деньги есть. А школьные — избави бог!.. Не возьму грех на себя. Нет, не возьму.

— Странная вы, Игнатовна! — Костик развел руками, почесал лохматые волосы на голове и молча вышел, но и сразу вернулся, потупился и тихо проговорил: — Я... мы привезем вам дров, Игнатовна. Из лесу. С лесником поговорим, как сделать лучше. Знаете, Игнатовна, я только сейчас понял, за что мы вас любили больше, чем кого-либо из учителей. А школу и мне жаль стало, как на вас посмотрел... Ага. А раньше как-то и не думал об этом. И правда, как это — школу сжечь? Свой класс — как это?..

— Спасибо тебе, Костик...

Игнатовне показалось, что Костик, прежде чем уйти, хлюпнул носом и даже смахнул рукавом слезу. Быстренько так смахнул, чтобы Игнатовна не заметила...

Взревел мотор трактора, и Костик исчез с глаз Игнатовны. Она взяла письмо к председателю сельсовета, хотела порвать его, но передумала: когда привезут дрова, каждая бумажка пригодится. На поджог.

Суд

На дачном участке у Сазончиков заметно выделялось одно плодовое дерево — груша бэра. Словно царица, красовалась она. Налившиеся соком, аппетитные желтобокие плоды особенно манили глаз каждого прохожего в конце лета. Дерево было не только высоким, но и с широкой разлапистой кроной. И что интересно, оно не переставало расти, тянулось и тянулось вверх, словно боялось уступить первенство. Однако куцые яблони и не думали соревноваться с грушей, жили сами по себе. Как бы там ни было, а как-то осенью жена посмотрела на грушу, потом на Сазончика, и заявила властно-требовательно:

— Надо обрезать сучья! Видишь, сколько их там ненужных? Я бы сама залезла, но...

Сазончик сразу же, зная ее нрав, воскликнул:

— Что ты! Что ты! Я сам, сам!.. Сделаем в лучшем виде, дорогая!..

— Хвалю за сообразительность!

Вскоре он принес лестницу и ножовку, еще раз отметил взглядом те ветви, которые нацелился спилить, и попросил жену, чтобы держала лестницу.

— Да смотри, чтоб не брякнулся! — строго предупредил Сазончик. — А то будет сюрприз! В мои годы только и лазить по деревьям, по правде говоря... — и вдруг спасовал, жалобно посмотрел на жену: — А может, подождем, когда Павлик приедет? Сколько уж тут осталось до выходных? Каких-то два дня... А? День туда, день сюда — что он даст?

Жена, как всегда, когда что-то было не по ней, безнадежно махнув рукой, отвернулась, сделала вид, что собралась пойти прочь, и произнесла хорошо известные мужу за долгую совместную жизнь слова, которые имели глубокий смысл:

— Я так и знала!..

Сазончик, виновато склонив голову, скрестил на груди руки:

— Лезу, лезу, лезу!..

С оханьем и аханьем он наконец-то очутился на дереве, а супруга тотчас убрала лестницу. Сазончик, хоть и обратил на это внимание, но не придавал особого значения: убрала так убрала, придет время — приставит... Спихнулся он значительно позже, когда обрезал все ветки, на которые, запрокинув голову, тыкала пальцем жена.

— Ну, ставь лестницу, буду слезать, — довольный тем, что угодил жене, да и потрудился с пользой для общего семейного дела, Сазончик посмотрел вниз, на женщину.

К его удивлению, она и не думала этого делать.

— А посиди, голубчик, там, — неожиданно для него промолвила супруга. — Посиди, посиди.

— Хватит шутить! Мне же тут, на дереве, неудобно! Ноги дрожат от напряжения. Ты слышишь, Маруся?

— Нет, я не слышу, я глухая!

— Да что это с тобой?!

— А ты вот сам подумай, что со мной... Молчишь, а? Почему набычился, как незнамо кто? Вот что я тебе скажу, дорогой: веточки, конечно, мог обрезать и Павлик, не в них дело. Мне важно было тебя запереть на это дерево. Тебя. Понимаешь? И убрать лестницу. А без нее ты никогда не слезешь с груши. Поэтому сразу ставлю вопрос ребром: как только признаешься, что твой сын растет у соседки, тогда поставлю лестницу обратно. Ну, говори!.. Признавайся!.. Я жду!..

Сазончик никак не ожидал такого поворота дела. Он смерил жену виноватым взглядом — с ног до головы — почесал за ухом, а потом посмотрел на ножовку, покрутил в руках, словно старался найти какой-либо изъян.

— Ну, что молчишь? — напомнила жена. — Где не надо — ты герой, на первом плане, передовик, а тут, гляньте вы на него, язык проглотил. Ай-я-яй! Погляди, погляди мне в глаза, бабник!

Жена распалилась не на шутку, и, зная ее принципиальность и неуступчивость, Сазончик почувствовал, что дело швах: придется на дереве действительно сидеть до посинения. Все же он наконец оторвал взгляд от ножовки, поглядел на жену. Та приняла воинственный вид: стояла руки в боки, широко расставив ноги, сама неприступность.

Куда бы ее, эту ножовку, подевать? Надо, наверно, уронить на землю — ручкой книзу, чтобы не повредить. Так и сделал. На что жена резонно заметила:

— Ну, а теперь давай сам вслед за ней! Давай, давай! Сигай! Другого выхода у тебя, разлюбезный мой, нет!..

Конечно, нет. Кто бы спорил? Сазончик посмотрел вниз, жена и не думала уходить: стояла как вкопанная, в той же позе. Он тяжело вздохнул и горестно подумал: «Вот попался так попался! И зачем я согласился лезть на эту грушу? Не дурак, а? Мог бы допереть, что тут что-то нечисто. Но все мы, мужики, умные задним числом. Если бы не больные ноги, то как-нибудь сполз бы на землю. Прыгнешь — коленки совсем развалятся, тогда будет делов... Артрит проклятый!»

Сазончик видел, как жена спряталась за углом сараюшка, и только теперь заметил, что отсюда, сверху, она совсем маленькая, будто девочка. «Зато гонору — уго!» Он наконец подобрался к толстому и гладкому суку, кое-как сел. В это время вернулась с табуреткой жена, тоже села. Она — вы только гляньте! — прихватила и свою очередную блестящую книжку про любовь. Читает! Как все равно летом на лужайке: пасет выводок цыплят, а заодно почитывает и одним глазом следит за ними... Ну, не издевательство ли это?!

Сазончик попробовал начать разговор:

— Что там пишут?

Жена словно и ждала этого:

— А про таких, как ты, и пишут!..

— А-а, понятненько. Ну-ну. Так что, мне так и сидеть?

— Я же сказала, кажется? Лестница никуда не денется. Стоит вон. Тебя ждет.

— Да не моя работа, не моя! — начал оправдываться, как это делал не раз, только в привычной обстановке, муж.

— Тогда сиди, если не твоя!

— Поддай лестницу, слышишь? — взмолился Сазончик. — Не могу больше терпеть тут, на груше. Упаду. Свалюсь. Тебе что, одних похорон мало? — Он имел в виду тещины. — А? Теперь, между прочим, похоронить человека, — ого!..

Жена огрызнулась:

— Такого человека, как ты, похороним без особых трат. Доски имеются на чердаке. Мужики за бутылку ямку выкопают и опустят в нее. А плакать я не буду. И не думай!.. Во, забыла: оденем тебя в тот костюм, в котором ты на заводе гайки закручивал в комбайнах. Большого ты не достоин.

«Что же придумать? Чем взять ее?» — кумекал Сазончик, свесив ноги и болтая ими, чтоб не так затекали. А к жене обратился:

— Ты знаешь, в чем семейная идиллия?

— Не заговаривай зубы! Только чистосердечное признание!..

— Это когда жена говорит мужу: иди, дорогой, выпей сто граммов. А муж: сейчас, любимая, только пол домою... — и Сазончик громко захохотал, но жену и это не проняло, хотя в другой раз она бы обязательно рассмеялась, ведь юмор понимала. — А хочешь, и я пол помою? Нет? Неделю мыть буду! Месяц! Все время — хочешь?

— Не заговаривай мне зубы. Ты вообще-то напоминаешь мне ворону из басни Крылова... Может, тебе ломоть сыру вынести?

— Да пошла ты! — Сазончик махнул рукой и отвернулся.

Тем временем по небу плыли маленькие серые тучки, собираясь в одну большую и черную над головой Сазончика, и он не на шутку встревожился: «Сейчас саданет так, что живого места на тебе не останется. А она, видите ли, почитывает себе. Ну и характер!» Сазончик не выдержал, крикнул:

— Мымра-а!..

Жена не отозвалась, только взглянула на него равнодушно, запрокинула голову вверх, а потом сразу же заторопилась — сложив книгу, встала, подхватила табурет — и была такова.

— Пропал! — крикнул вслед Сазончик. — Как есть пропал!..

И тут его внутренний голос сказал: «А ты признайся. Твой или не твой ребенок, а скажи — твой, и все дела. Разве трудно? Скажи — и ты будешь на земле, на своих, хоть и больных, ногах. Что за проблема сказать? Смотришь, и жене легче станет... Угодишь ей... А если откровенно, Сазончик... Если, положи руку на сердце, твоя работа — сынок у соседки по даче? Твоя, твоя!.. Мне не возражай, я же знаю, я все вижу, разлюбезный мой. Не отвертись. Мне можешь и не признаваться. А жене — скажи. Что тут страшного? Ты же нигде ничего не украл, ты же доброе дело сделал... Осчастливил женщину — это первое, и дал жизнь человеку — это, брат, второе... Тебя расцеловать надо, а ты на дереве сидишь, страдаешь... Кричи, кричи жене: да я это, я!.. Ты же счастливый человек, Сазончик!.. Еще какой счастливый!.. Просто ты про это сам не знаешь...»

Поднялся ветер, расшатал грушу, и Сазончик мертвой хваткой вцепился в ее ствол. Потом сыпанул словно из ведра дождь. Мужчина вдруг почувствовал, что больше так не выдержит — вот-вот упадет на землю, брякнется так, что останется от него одно мокрое место. Все же, прислушавшись к внутреннему голосу, Сазончик крикнул в ту сторону, где исчезла жена:

— Моя!.. Моя работа!.. Моя!.. Ты слышишь, Маруся?.. Моя работа!..

И тут он увидел, как сынишка соседки приставил лестницу к груше — и как только дотачил, совсем же мал, и, задрав вверх голову, предварительно оглядевшись по сторонам, радостно скомандовал:

— Слезайте, дядя!..

Сазончик и сам не помнил, как очутился на земле. Ноги сильно затекли, и он не сразу сделал шаг, второй. Но ему хватило расстояния, чтобы прижать к себе мальчика, погладить его мокрую голову.

— Спасибо, сынок... Большой расти...

И только когда он повернулся в сторону своего дома, увидел жену, которая стояла под дождем и отрешенно смотрела на них обоих.

Перевод с белорусского автора.

